

# Дирэн Роздобудько

**Пуговица**  
(психологическая драма)



**F FOLIO**

**1+1**

Ирэн Роздобудько

**Пуговица**

«Фолио»

2008

## **Роздобудько И. В.**

Пуговица / И. В. Роздобудько — «Фолио», 2008

Роман в 2005 году был отмечен первой премией на конкурсе «Коронация слова». Это многоплановый роман, со многими сюжетными коллизиями и героями. Его временное пространство: от середины 70-х до наших дней, его география – Киев, украинская провинция, Россия, Черногория и... Америка. А главная идея такова: большое счастье или большая трагедия могут начаться с одной маленькой детали, с пуговицы, которую так легко потерять, а потом искать всю жизнь... «Пуговица» – роман про любовь, верность и предательство. Про то, что никогда не стоит оглядываться назад, а ценить то, что рядом с тобой – сегодня и навсегда. А может, этот роман про... жизнь ангелов, случайно попавших на нашу землю?..

© Роздобудько И. В., 2008

© Фолио, 2008

# Содержание

Книга первая	5
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

# Ирэн Роздобудько Пуговица

## Книга первая

**Последний день августа, 2005 год**

*...Я уж и не припомню, когда приходил домой, не будучи слегка «подшофе». А может быть, и не слегка... Но со вчерашнего дня появилось ощущение, будто мне под лопатку вшили «торпеду» и я умру от одного вида рюмки с водкой или коньяком. Погасить возбуждение мне было совершенно нечем. Оставалось только как-то дотянуть до конца рабочего дня. С другой стороны, мне хотелось, чтобы день этот тянулся бесконечно. Я боялся вернуться домой, боялся сесть за компьютер.*

*Поэтому после двух необременительных лекций в институте кинематографии я вернулся в офис. Делать мне там было совершенно нечего, я мог работать и дома, сочиняя бесконечные сюжеты для рекламных роликов, но, как уже сказал, идти домой я боялся. Поэтому тупо просидел в своем кабинете, закинув ноги на стол, то и дело заставляя нашего офис-менеджера Татьяну Николаевну готовить мне крепчайший кофе. Я смотрел в окно. И зрение мое было настолько обостренным и сконцентрированным, что я видел мельчайшие переплетения и бороздки на коре дерева на противоположной стороне улицы. Я не отрывал взгляд от этих бороздок, забитых седой паутиной, и они напоминали мне морщины на лице старика.*

*Лето подходило к концу. Заканчивался год. Не знаю, как у других, а для меня год всегда заканчивается с последним днем августа. Возможно, потому, что все в моей жизни начиналось осенью...*

*Я старался ни о чем не думать. Но в мыслях я уже раз сто побывал дома и совершил несколько привычных действий: открыл дверь, сбросил пиджак, сел за компьютер в глубокое черное кресло и щелкнул «мышкой».*

*Почему я так боюсь сделать это на самом деле? Что мне стоит сбросить сейчас ноги со стола, подхватить кейс, выскочить на улицу, сесть за руль и через десять минут действительно распахнуть дверь своей квартиры? Что за гири повисли на моих ногах?*

*Потом я понял, что эти «гири» – страх равным счетом ничего не найти на экране монитора. НИЧЕГО.*

*Но с не меньшим страхом я думал о том, что в углу экрана может высветиться маленький желтый конверт. И я не знал, что лучше: это НИЧЕГО или конверт...*

*Около восьми часов Татьяна Николаевна начала деликатно покашливать за дверью. А потом, слегка приоткрыв ее, спросила:*

*– Еще кофе?*

*Я понял, что пора уходить. Вышел на улицу и впервые не заглянул в свой любимый ресторанчик «Суок», хотя мог бы... Меня вдруг одолел гон, я ощутил его лихорадку и едва дождался, пока домчусь до своего подъезда. Потом я боялся, что лифт застрянет и мне придется провести в нем несколько томительных часов, гадая, есть конверт или нет его.*

*Слава Богу, этого не случилось, и я ворвался в квартиру, на ходу снимая пиджак, разбрасывая во все стороны туфли, галстук. В черное кресло я упал, имея довольно растрепанный вид. Интересно, что сказали бы студенты, которые привыкли к моей полной «застегнутости»?*

*Я перевел дыхание...*

*...Тогда тоже был сентябрь. На балконе лежали арбузы. Сейчас там лишь толстый слой уличной пыли...*

*Я щелкнул клавишей, и в углу высветился желтый конверт. Все так, как я себе представлял, – я не верил своим глазам. Неужели? Еще раз щелкнул «мышкой». Закрыв глаза. Открыл.*

*«Я умерла 25-го сентября 1997-го года...» – высветилась первая строка на синем фоне монитора.*

*Я снова закрыл глаза. Холод и мрак охватили меня...*

## Часть первая

### Денис

#### 1

Это случилось в конце августа 1977-го... Тогда мне исполнилось восемнадцать. Я мечтал о славе. И знал, что она придет. Речь шла не о временном восхождении на некий пьедестал в ограниченном пространстве, в котором я тогда жил. Не об аплодисментах публики, которая забывает о тебе на следующий же день. Нет. Я чувствовал, что у меня есть предназначение, тайну которого еще предстоит разгадать. А пока оно только зарождалось во мне, как во влажной марле набухает фасолина, – такой опыт мы проделывали в школе на уроках биологии. Все тридцать пять учеников дома на подоконнике проращивали фасоль, а через пару недель приносили результат в школу. Я очень хорошо помню, что мой побег был больше, чем у других. Это было давно, классе в шестом. Но именно после этих опытов я понял, что и как развивается внутри меня самого. И терпеливо ждал. Настолько терпеливо, что старался лишний раз не привлекать к себе внимания – мне это было ни к чему. Пока. Я окончил школу, очень легко поступил на кинофакультет, на сценарное отделение (мой экзаменационный сценарий оказался лучшим, чем опусы уже опытных и старших по возрасту абитуриентов, его потом еще долго хранили на кафедре как пример удачной работы). Узнав о результате, я выбрался немного отдохнуть в горы, на турбазу у подножья Карпат. Собственно говоря, это была «кинематографическая» турбаза, на которую поехали почти все мои будущие однокурсники – объявление о «горящих» студенческих путевках висело в фойе института. Мы еще не были хорошо знакомы друг с другом. Нас объединял общий дух недавних экзаменов, во время которых все дружно толпились у дверей аудиторий и шумно приветствовали каждого счастливчика.

Все это было уже позади. Мы съезжались на турбазу постепенно, не стовариваясь, и бурно радовались каждому знакомому лицу. Нас расселили в небольшие деревянные коттеджи, и мы тут же принялись изучать территорию, выясняя, где находятся столовая, бассейн, кинозал и ближайшее «сельпо», в котором можно купить дешевый портвейн «777».

Мы чувствовали себя взрослыми и бывальыми. Старались общаться как можно непринужденнее и произносили имена своих кумиров «через губу». Называли друг друга «по-западному», поэтому меня сразу же окрестили Дэнном. Соседа по комнате, соответственно, назвали Максом.

Дэн и Макс – два крутых парня, будущие гении – быстренько сбегали в сельпо и затарились несколькими бутылками крепленых «чернил». Пили мы по-черному и... по-детски еще со школы – ничего дороже портвейна. Откровенно говоря, в скором времени я пожалел, что приехал именно сюда...

Горы синели вдали и, казалось, мерцали, окутанные рваным белым шелком вечерней дымки. А я вынужден был сидеть на жесткой койке, дуть портвейн и слушать болтовню своих приятелей. Когда нас всех стало мутить (виду, естественно, никто не подавал), мы по очереди начали выходить «подышать воздухом». Мне, наконец, удалось вырваться из прокуренной комнаты и уже без спешки пройти по территории базы.

Это было довольно спокойное место. Или казалось таким на исходе лета. За занавесками коттеджиков горел тусклый свет, кое-где на верандах сидели отдыхающие, из открытого – «зеленого» – кинотеатра доносились звуки музыки какого-то фильма. Кажется, это была «Есе-

ния»... А вообще – беспорядок и запустение. Только за белым старомодным забором в стиле псевдобарокко заманчиво шумел мохнатый черный лес, и от него на меня покати́лась мощная волна свежести и тревоги. Было уже довольно темно.

Нелепые скульптуры девушек с веслами и прочих культуристов белели вдоль алле́й, словно призраки. Почти все скамейки были «беззубыми», а все фонари – «слепыми». Я дошел до конца алле́й, опустился на скамью, достал сигареты. И почти сразу же заметил, как напротив вспыхнул красный огонек...

Если бы я тогда не был пьян, если бы не бродило во мне, как вино, искристое состояние эйфории из-за вступления в новую жизнь – ничего бы не произошло и не потянуло за собой цепь событий, преследующих меня всю жизнь.

Но я был пьян. И поэтому увидел *ничто*... Очерченный лунным светом силуэт, который в кромешной темноте казался пустым, бестелесным контуром. Женщина курила сигаретку, вставленную в длинный мундштук. Она медленно подносила к невидимым губам красный огонек, вдыхала, и серебристый дым на какое-то мгновение заполнял весь ее прозрачный контур, словно изнутри обрисовывая тело. А потом, с последним облачком дыма, оно, это тело, медленно таяло в темноте.

Чертовщина какая-то!

Я напряг зрение и комично помахал рукой перед своим носом, отгоняя видение.

– Что, испугался?

Голос был хриплым, но таким чувственным, что у меня по всему телу побежали мурашки, как будто женщина произнесла что-то непристойное (я и потом не мог привыкнуть к звуку ее голоса: о чем бы она ни говорила – о погоде, книгах, кинофильмах, еде, – все звучало сладко-непристойно, как откровение).

– Да нет... Нормально... – пробормотал я.

Влажная ночь и вершины гор, чернеющие вдаль, и этот красный огонек, подмигивающий в темноте, и сам воздух – такой насыщенный и свежий – отрезвили меня. Я попытался разглядеть сидящую напротив женщину. Бесплезно. Наверное, уже тогда у меня совершенно «замылился» глаз в отношении нее. Такое бывает, например, с мамашами, которые неспособны реально оценить красоту своего ребенка или с художником, которому его последнее полотно кажется гениальным.

– Вы тоже живете в этом пансионате?

Ничего более идиотского я не мог придумать! Это было все равно что спросить у попутчицы после взлета: «Вы тоже летите в этом самолете?» Но мне очень хотелось снова услышать ее голос.

– Вам здесь нравится? – продолжал я.

Огонек загорелся ярче (она сделала затяжку) и скользнул вниз (она опустила руку).

– Знаешь, где мне нравится? – услышал я (мурашки! мурашки!) после довольно-таки долгой паузы. – Там...

Огонек взлетел вверх и откинулся в сторону леса.

– Я там еще не был... – сказал я. – Только сегодня приехал...

– Чудак! – Огонек резко полетел в кусты и там погас. – Идем! Тут в заборе есть дыра.

По шелесту ее одежды я понял, что она встала и шагнула в мою сторону.

– Давай руку!

Я протянул руку в темноту и наткнулся на прохладную ладонь. И снова по телу побежали мурашки. Ее рука была энергичной, не мягкой.

– Э-э, да ты же совсем пьяненький! – засмеялась она.

Я встал, стараясь держаться ровно. Мы были одного роста. Мне удалось разглядеть что-то более определенное – тонкую фигуру, темную, возможно черную, шаль, которая окутывала плечи... И больше – ничего. А еще я ощутил запах. Тогда я еще не знал запаха дорогих духов –

их доставали «из-под полы», мои знакомые девушки большей частью пользовались удушающей «Шахерезадой» или концентрированным «Ландышем». А тут на меня накатилась волна аромата – терпкого и дурманящего. Я стиснул зубы и крепче сжал ее руку. Повинуясь ей, я стремительно двинулся в глухой угол забора. В нем действительно чернела большая дыра, которую я сразу не заметил. Не выпуская ее ладонь, ступая за ней, я резко пригнул голову, и мы оказались по ту сторону турбазы, на широкой равнине, заросшей буйным разнотравьем. Мы шли по колено в траве. Я снова попытался рассмотреть ее, властно ведущую меня за руку, как малого ребенка. Черная шаль окутывала ее с головы до ног, длину волос я определить не мог, они сливались с шалью и, видимо, были такими же черными и длинными. Она ни разу не обернулась ко мне. Казалось, ей было совершенно безразлично, кого она тащит за собой.

Я старался не упасть и не отстать, поэтому большей частью смотрел себе под ноги, и дикая растительность напоминала мне море, катящее мощные ароматные волны. Вот-вот оно затянется на глубину, из которой не выплыть.

Голова шла кругом. Ночь, тонкий серп луны над облаками, горы, мурашки по телу, хмель, незнакомка... Все казалось какой-то фантазмагорией. Я обожал такие приключения. И не представлял, что может случиться дальше. Может быть, сумасшедший секс на лесной опушке? Что это за женщина? Зачем и куда она ведет меня? Сколько ей лет, как она выглядит? Чего хочет?

Мы подошли к склону горы, покрытому деревьями, которые возвышались над поляной, словно колонны у входа в языческий храм. Мрак снова поглотил ее, а из леса повеяло особенным густым запахом живицы. Женщина завела меня за ограду из первого ряда больших сосен, с которых начинался лес, и прислонилась спиной к одному из деревьев.

– Здорово, правда?

Я с трудом отдышался. И огляделся. Было действительно здорово! Будто мы попали в нутро большого живого организма какой-нибудь сказочной рыбы. Деревья были ее напряженными мышцами, кронами она дышала, а где-то внутри, в глубине, пульсировало сердце. Я даже услышал этот ритмичный тревожный звук.

– Он – живой. Чувствуешь? Днем здесь все не так...

Она щелкнула зажигалкой, и на мгновение я увидел полукруг щеки и блеск черного зрачка. А потом передо мной вновь заплясал красный огонек.

– Как тебя зовут? – спросил я, напряженно думая о том, чем может закончиться такое вот удивительное приключение.

– Какое это имеет значение? Особенно сейчас...

Огонек очертил дугу и исчез. Я снова почувствовал, как меня взяли за руку и потащили куда-то вверх. Мы шли так быстро, будто за нами кто-то гнался. Я слышал ее прерывистое дыхание. В какой-то момент я почувствовал себя неудобно. Ветки деревьев, которые я не успевал отводить в сторону хлестали меня по лицу.

Наконец мы забрались еще выше и остановились. Все повторилось вновь – ее слияние с деревом, огонек.

Но на этот раз я с удивлением смотрел вниз: мы вышли из пасти зверя, вдали прорисовывались неясные огни ближайшей деревни, перечеркнутой золотой полоской реки. Густые кроны деревьев, росших внизу, казались отсюда скучившимися грозowymi облаками, по которым можно было идти, как по суше. Я пришел в себя и жадно дышал, наслаждаясь чудесным вкусом воздуха, который смог оценить только теперь. Вместе с этим воздухом меня переполнял восторг. Как хорошо, что я вырвался из душной комнаты, наткнулся на эту удивительную женщину и она подарила мне такую замечательную прогулку! Я понял, что две недели отдыха будут чудесными. Оглянулся, хотел поблагодарить...

Огонек исчез. Я подошел к дереву, где она только что стояла, и даже дотронулся до него рукой. Никого!

– Эй!.. – тихонько позвал я. – Ты где?

Мой голос в темноте звучал непривычно. Где-то неподалеку захлопала крыльями ночная птица. Я обошел каждое дерево, каждый куст. Мне в голову пришла бредовая мысль, что она где-то расстелила свою черную шаль, легла и ждет, чтобы я поскорее наткнулся на нее.

Потом я разозлился: что за дурацкие шутки! Потом заволновался, смогу ли найти дорогу назад. А еще позже некстати вспомнил, что эти края просто кишат легендами о русалках, леших, водяных, оборотнях и ведьмах.

Спускаться вниз одному было неприятно. Я все время прислушивался, не раздастся ли где-нибудь рядом звук ее шагов. Но лес только глубоко дышал и цеплялся за меня своими крючковатыми пальцами. Два раза я даже упал.

Выйдя на равнину, я перевел дыхание и оглянулся на лес. Мне показалось, что наверху снова дышит красный огонек ее сигареты. Он наблюдал за мной, как глаз. И, наверное, смеялся...

## 2

Растерянный и грязный, я вернулся в комнату, где уже громко храпел мой напарник, и свалился на кровать поверх одеяла. Разделся и укрылся только под утро, когда за окном уже розовели облака. Мельком взглянул на гору. Теперь она казалась пестрой, словно лоскутное одеяло.

К завтраку мы опоздали. Я долго чистил брюки, Макс никак не мог прийти в себя после вчерашней попойки.

– Ты куда исчез вчера? – спросил он.

– Так, решил пройтись, – неопределенно махнул рукой я. Мне совсем не хотелось рассказывать кому бы то ни было о своем вечернем приключении на горе.

Я решил разыскать свою вчерашнюю спутницу. Правда, я мало что помнил: темные волосы, развевающуюся шаль, контур смуглой щеки в свете зажигалки, красный огонек... Но был еще запах – особенный запах ее духов!

В столовой я пристально рассматривал присутствующих. Половина отпускников уже разошлась по своим делам – кто-то потащился в лес за грибами, кто-то осматривал местные музеи и достопримечательности. Она, скорее всего, тоже уже позавтракала.

– Кто здесь еще из наших? – спросил я Макса.

– Ты же всех видел! – удивился тот.

– Я имею в виду – вообще, из киношников? – пояснил я. Мне почему-то казалось, что она могла быть студенткой с актерского факультета.

Макс назвал несколько более-менее известных мне фамилий. Но все это было не то. Мы лениво ковырялись в своих тарелках: вермишель с заплесневелым соленым огурцом, творог, политый жидкой сметаной. Полупустая столовая с запахом известики и синими стенами не вызвала аппетита. За двумя соседними столиками сидело несколько человек. Я узнал седовласого кинодокументалиста в потертой джинсовой куртке (как мы тогда мечтали о таких зарубежных тряпках!). Он был с женой и дочкой. Немного поодаль сидели три дамы. Они громко переговаривались, хохотали, поглядывая то на нас с Максом, то на грустного кинодокументалиста. Одна из женщин курила. Но она была довольно полной и стриженной.

– Кажется, мы тут сдохнем от тоски! – сказал Макс. – Хотя... можно ходить в трехдневные походы в горы. Я видел объявление на доске. Ты как?

– Еще не знаю.

Мы поковыряли вермишель, не без удовольствия выпили по два стакана холодного кефира и вышли на солнышко. Я еще недостаточно хорошо знал Макса, и мне захотелось отделаться от него, побродить одному.

- Ну, ты куда? – нехотя спросил я.
- Пойду еще покомарю, – ответил тот. – А ты?
- Пройдусь...

Утром территория турбазы имела непривлекательный вид. Скульптуры были ужасны, беседки поломаны. Только нестриженные кусты, высокие деревья вдоль аллей и клумбы в разноцветных шапках роз были естественными и не вызывали раздражения. Несмотря ни на что, мне нравилось это запустение. Я вышел к бассейну. Возле него прогуливались несколько человек, но никто не осмеливался нырнуть в зеленоватую, покрытую ряской воду. Скорее всего, она была дождевой и простояла в этом бетонном корыте все лето. По темной мутной поверхности, как парусники, скользили кленовые листья.

Я сразу увидел ее. Напрасно волновался, что не узнаю! Она лежала на полосатом полотенце и читала книгу. Ее волосы – действительно очень темные и очень густые, были подобраны в высокий «конский хвост». Она была в открытом купальнике... Ничего общего с тем вчерашним ночным образом. Но я был уверен, что это она. Я сел на противоположном конце бассейна и принялся ее разглядывать. Напрасно! Я снова ощутил странную «замыленность» глаза – сколько ни всматривался, не мог собрать образ воедино. Он рассыпался, как детские кубики. Хороша ли ее фигура? Я смотрел на ее розовые, сияющие на солнце пятки, и они казались мне райскими яблочками. Возможно, она была такой же, как все. Но смысл отношений между людьми, наверное, в том, что в какой-то момент «один из многих» попадает в пересечение небесных лучей и становится первым, единственным из всех... Я видел ее именно в таком ракурсе – будто она была самолетом, который «ведут» два прожектора. Все остальное пространство стало для меня темным и неинтересным. Больше не было смысла так пристально разглядывать ее. Я подошел. Примостился рядом на траву и сразу же ощутил тот терпкий нездешний аромат, только утром он был гораздо слабее, нежнее. Она оторвала взгляд от книги и перевела его на меня. Я не был уверен, что она меня узнала, но уже понял, что обычный вариант знакомства здесь не пройдет. Можно было спросить, какую книгу она читает или верит ли в любовь с первого взгляда... Нет, банально... Прочитировать пару строк из Бодлера? Глупо... Заговорить о погоде? Еще чего...

- Не напрягайся, – вдруг сказала она, – меня зовут Лиза. Ведь ты это хотел узнать?

Ее голос раздел меня донага! Она перевернулась на бок, подперла подбородок рукой, посмотрела мне прямо в глаза. Солнце блестело на ее смуглом плече, ослепляло меня.

- Куда ты исчезла? – спросил я.

– Я вообще люблю исчезать, – ответила она и снова сосредоточилась на чтении. Но я уже не мог жить без ее голоса!

- Может, поднимемся на гору? – предложил я. – Или съездим в город, посидим в кафе?

- Это ни к чему. Всяких кафе мне хватает и дома. А на горе сейчас жарко.

Я просидел рядом с ней до самого обеда. Меня сто раз звали ребята: то на волейбольную площадку, то в лес, кое-кто из «стариков» издали здоровался и с ней. Время от времени мы перебрасывались ничего не значащими фразами. В общем, ничего особенного. Но держалась она по-королевски. Когда ей надоело читать, она сказала:

- Ну все, хватит. Иди к своим. Что ты томишься рядом со мной?

- Увидимся вечером? – с надеждой спросил я.

- А куда же мы здесь денемся...

Она меня не поняла! Если бы я снимал фильм, с удовольствием вырезал бы несколько дней из этой ленты, чтобы сразу перейти к главному. Я уже понимал, что буду добиваться ее внимания, что мы обязательно еще раз поднимемся на гору и что я попробую обнять ее. А что будет делать она? Этого в моем сценарии не было...

3

– Знаешь, кого ты опекал все утро? – спросил Макс, когда мы встретились в комнате перед обедом.

Мне стало не по себе. Я не хотел говорить о ней. То есть – вообще.

– Это же Елизавета Тенецкая.

Фамилия была мне знакома, но я не мог вспомнить, где ее слышал.

– Ну как же! – оживился Макс. – Помнишь прошлогодний молодежный фестиваль «Ночь кино»? Она там заняла первое место за короткометражку «Безумие»!

Так вот оно что! Конечно же, я с девятого класса бегал на эту всеобщую, прорывался без пригласительных всеми правдами и неправдами, пока после поступления на подготовительные курсы не получил наконец удостоверение и возможность без проблем ходить туда. Тогда с этим было строго: на входе проверяли карманы, выискивая бутылки со спиртным (мы пронесли портвейн в термосах), кроме того, с собой нужно было иметь комсомольский билет.

Фестиваль длился с утра до полуночи с короткими перерывами для совещаний жюри, во время которых утомленные зрители могли съесть черствые бутерброды в буфете Дворца культуры и хлебнуть из термосов «живительной влаги».

Фильм мне действительно понравился. Даже потряс. Он был снят очень просто, без пафоса. Без малейшего намека на какую-либо идеологию. Это было странно, непривычно. Его обсуждение затянулось часа на два-три. Никто не расходился до тех пор, пока разгоряченные спорами члены жюри не объявили его победителем, а представители райкомов, обкомов и прочих наблюдающих за всей этой «вакханалией» не покинули поле боя, пригрозив разобраться позже.

Вряд ли я смог бы точно пересказать сюжет. Это была небольшая киноновелла об одиночестве. День женщины – с утра до вечера, – которая бесцельно бродит по большому городу. И конец: машина «скорой помощи», люди в синих халатах, заломленные руки, отчаянные глаза героини. Оказывается, она сбежала из психиатрической лечебницы... Вот, собственно, и все. Как такой фильм вообще мог попасть на этот комсомольский фестиваль, непонятно. Потом я долго вспоминал об этом фильме, но никогда не идентифицировал эту ленту с женским именем автора, не пытался выяснить, кто она. И вот сейчас был взволнован, потрясен. Неужели это она?! Эти терракотовые оттенки, намеренные царапины на пленке, эти съемки в манере подглядывания в «замочную скважину»... Мне стало страшно. Нет, меня не пугало то, что она старше и талантливей – все это только возбуждало мое воображение. Просто я чувствовал, что на меня надвигается девятый вал и самое разумное, что следовало бы сделать, – никогда к ней не приближаться. Но для такого решения я был слишком молод.

У меня был опыт общения с женщинами. Отец работал главным инженером на одном из крупных предприятий города, деньги у меня водились. Чтобы «познать жизнь», мы с приятелями частенько засиживались в ресторанах, играли на ипподроме, пускаясь порой во все тяжкие. Естественно, без женщин не обходилось. Но серьезных увлечений у меня до сих пор не было. Хотя уверен – я многим испортил впечатление от того чувства, которое называется первой любовью: старался не встречаться с одной и той же девушкой дольше месяца, а чаще всего – и одной недели. Мне хотелось всего, много и сразу. Ощущение устоявшихся отношений наводило на меня тоску. Ни разу я не почувствовал раскаяния.

Правда, один случай заставил меня немного остепениться...

Я и двое моих друзей сидели в ресторане «Лесной» и подыскивали достойные объекты для продолжения вечера «на хате» у Мишки. Это был парень из обеспеченной семьи, жил в четырехкомнатной квартире в центре города и часто оставался один, пока родители инспектировали «загнивающий» капитализм западных стран. Приятели уже выбрали себе по девчонке и

ждали, когда ВИА (вокально-инструментальный ансамбль – так это тогда называлось) настроит свои гитары, чтобы пригласить девочек на танец, а позже – домой. Я же, как всегда, выискивал для себя «нечто».

Меня не привлекали откровенно красивые телки «модельной внешности», как сказали бы сейчас. Волоокие длинноногие блондинки никогда мне не нравились – это все равно, считал я, что переспать с резиновой куклой. Хотя с такими было намного проще договориться. Объекты же моего внимания, как правило, по ресторанам не ходили (хотя это и стоило копейки по тем меркам).

– Ну ты как? – нетерпеливо спрашивали меня приятели.

Я отмахивался и озирался по сторонам. А когда уже совсем потерял надежду и обратил свой взор на перезревшую матрону за соседним столиком, в зал вошли три девушки.

– Все о'кей! – доложил я друзьям тоном рыбака, у которого «клюнуло».

На одной из девушек было черное платье. Это поразило меня. Летом, когда все ходят в светлом, она вырядилась как ворона, и этим очень выделялась среди остальных. Кроме того, у нее были волосы удивительного медного оттенка – пушистые, с «искринкой». Словом, очень красивые волосы.

Я подозвал официанта и велел отнести девчонкам бутылку шампанского. Я любил погусарить, а особенно – понаблюдать за впечатлением, которое производят подобные поступки, ведь наши женщины тогда еще не были приучены не то что к «бесплатному сыру», но и к вещам более элементарным. Вот и эти – тут же склонили головы и принялись возбужденно перешептываться, стреляя взглядами по залу. Вначале даже хотели вернуть бутылку. Официант что-то долго объяснял им, а потом (вот сволочь!) кивнул на наш стол. Все трое, как по команде, посмотрели в нашу сторону, потом так же резко отвернулись, делая вид, что им на нас наплевать. Я пытался угадать, о чем они могут сейчас говорить. Во-первых, решают, кому прислан подарок (судя по тому, как вспыхнуло лицо рыжеволосой, обе подружки убеждали, что именно ей). Во-вторых, мучаются вопросом: что делать дальше? В-третьих, обсуждают нас и теряются в догадках, кто из троих сделал такой королевский жест. Начались танцы, и я развеял их сомнения: подошел и пригласил рыжую.

А потом мы все вместе сидели за одним столом до закрытия ресторана. Мы щедро оплачивали девичьи капризы – шоколадку, салат из крабов, бутылку «Медвежьей крови». То, что вечер закончится на квартире у Мишки, ни у кого не вызывало сомнения. Девушку в черном звали Сашей. Но это имя ей катастрофически не подходило, еще глупее звучало «Шурочка». Платье на ней при ближайшем рассмотрении оказалось дешевеньким, туфли – детскими. Она только что окончила школу, ее подруги работали на швейном комбинате. Фабричные дамочки оказались бойчее и сговорчивее, «моя» старалась от них не отставать. И как только мы оказались в Мишкиной квартире, она не раздумывая улеглась со мной в постель. Когда позже я спросил – почему, Саша удивленно вскинула брови: «Ну ты же угощал нас!» Ха! Как порядочная девушка, она поспешила расплатиться!

Эту я помнил дольше других. И не только потому, что меня поразило ее платье и рыжие волосы (все остальное поглотил туман), – она была из какого-то иного мира. И это испугало меня. Тогда я не мог и представить, что он существует! Мы встретились несколько раз. Но как-то вяло: меня влекли новые впечатления, а она была слишком аморфной в своем отношении ко многим вещам, которые меня приводили в восторг, – последняя премьера в театре, новый сборник Евтушенко, бардовские фестивали.

Закончились отношения так же быстро, как и начались, после одного случая. Мы шли по улице и смотрели, как рабочие поднимают на фасад дома огромный плакат с фотографиями членов Политбюро.

– Куча свиней, – неожиданно сказала Саша, – а мы – их кормушка...

Я, сынок главного инженера прославленного завода, возмутился – как она может так говорить?

– Конечно... бывают перегибы, но в общем... – промямлил я, – нужно быть патриотом страны, в которой живешь...

– Все патриоты сейчас – сидят, – отрезала она.

– Как это – «сидят»? – не понял я. – Сидят – преступники.

– Ага, преступники! – язвительно сказала она. – Бродский, Стус, Солженицын... Все – преступники!

– Ну, положим, Бродский сел за тунеядство, – не сдавался я, хотя чувствовал, что не так все просто. Об остальных я вообще ничего не мог сказать.

– Ага, – еще ехиднее повторила она, – поэт должен вкалывать!

– А разве нет?..

Тут она прикусила язычок. Ее щеки пылали. Потом, вернувшись домой и проанализировав этот разговор, я решил, что девочка наслушалась лишнего от родителей. И испугался. Жизнь казалась мне прекрасной, и я не хотел, чтобы в нее вошли смута, беспорядок, неразбериха. Все хорошее, талантливое, думал я, должно преодолевать препятствия. Иначе не интересно! А она твердила, как попугай: «Свобода не может быть дозированной!» И я не понимал, что она имеет в виду. Да и понимала ли это она сама своим полудетским умишком? Вряд ли. Скорее всего, повторяла слова взрослых... Предателей родины и штрейкбрехеров! Наши встречи прекратились.

А потом я вспоминал Сашу все чаще. И начинал понимать, О ЧЕМ она говорила, и чувствовал себя законченным негодяем и идиотом. Удивительно, но именно эту девушку я вспомнил, когда смотрел «Безумие», снятое Елизаветой Тенецкой...

Вспомнил и сейчас. Возможно, потому, что меня охватило чувство, слегка похожее на то, что было тогда, только в этот раз более сильное и острое: я НЕ ВИДЕЛ мою новую знакомую. Мне было все равно, какая она: фигура, цвет глаз, ноги, руки, волосы, в конце концов – возраст. Важным было одно: она есть.

Мой сосед по комнате уверял, что «Тенецкая – супер». Но даже если бы это было и не так – мне было все равно. Она существовала, как небо, в котором я побрел, спотыкаясь и падая, ничего не замечая ни под, ни над собой...

#### 4

Потом мы часто виделись то в столовой, то в кинозале, то у бассейна. Она приветливо кивала мне и проходила мимо. Словом, дней пять из моего сценария можно спокойно выбросить. Я искал случая. И вот увидел ее имя в списке инструктора, который набирал группу для похода в горы. Я сбегал за деньгами – двухдневный маршрут стоил что-то около пятнадцати целковых.

– Опоздали, – безапелляционно сказал мне мужичок в мятых спортивных штанах, – группа уже укомплектована.

– Ну какая вам разница, вы что, не можете записать еще одного человека?!

– По инструкции положено двенадцать! – отрезал тот. – Пойдете в следующий раз. Долго думали!

– Что за дурацкая инструкция? – не унимался я. – Вам что, не хочется заработать?

– Ха! Это тебе не частная лавочка, я здесь на государственной службе. Двенадцать – цифра, которая утверждается там... – он поднял палец к небу.

– Богом, что ли? – попытался пошутить я.

– Не юродствуйте, юноша. Зачем мне отвечать за большее количество народа? Вот если бы я не набрал группу – тогда пожалуйста! А так мне лишняя морока ни к чему, мне за вас премию не дадут!

Тогда я смотался в коттедж и к уже предложенным пятнадцати добавил еще двадцатку.

– Так сойдет?

Мужичок оживился, достал список и с важным видом вписал в него мою фамилию.

– Собираемся завтра в шесть часов утра, у столовой! Завтрак получите «сухим пайком». Смотрите не опаздывайте! – строго сказал он.

...Утро выдалось прохладным, с привкусом подступающей осени. Этот привкус особенно ощутим в ранние часы. Я побрился, надел новую футболку и чистый свитер, потер щеки одеколоном «Шипр» и сунул в рюкзак бутылку домашнего красного вина, которую вечером купил у какой-то местной тетки.

На что я надеялся? Не знаю. Может, вечером, когда мы разобьем палатки, мне удастся прогуляться с ней?..

Еще я сунул в карманы брюк все деньги, которые у меня были, несколько коробок со спичками, нож, блокнот. Пришел к столовой первым. Мне предстояло полчаса мучиться вопросом: придет ли она? Я уже догадывался, что ее поступки могут быть непредвиденными. Когда нас было уже двенадцать, инструктор начал нервно поглядывать на часы. Наконец в глубине аллеи появилась она.

– Наша звезда в своем репертуаре! – прокомментировал кто-то.

В группе, кроме меня и ее, были две семейные пары с детьми подросткового возраста – всего семь человек, две дамы бальзаковского возраста и кинодокументалист с дочкой. Скука смертная! Но я понял, что у меня нет конкурентов, а у нее – выбора. Поэтому, как только она приблизилась, я взял ее котомку и забросил себе на плечо.

– Вот что, товарищи, – обратился к нам инструктор. – Поведу вас кратчайшим путем: чтобы не обходить всю территорию, пойдем через аллею – там в заборе есть дыра... Это, конечно, непорядок, но не будем терять время!

Я посмотрел на Лизу. Она улыбалась.

И мы пошли уже знакомой мне дорогой – через луг, к подножию горы.

– Не знаю, зачем мне все это нужно... – словно продолжая разговор, сказала Лиза. – Не люблю коллективных мероприятий. Но здесь так скучно...

– Ты же сама отказалась развлечься. Я же приглашал... – ответил я, напрочь забыв, переходили мы на «ты» или нет.

Она странно посмотрела на меня.

– ...и мы бы говорили про кино?..

Тут я понял, как с ней нужно разговаривать. Понял, но не мог вымолвить ни слова, как иностранец, который только начинает изучать чужой язык.

– Мы могли бы просто молчать... – ответил я.

Когда группа стала подниматься в гору, разговорчики в наших нестройных рядах поутихли, женщины пыхтели, мужчины, как истинные джентльмены, забрали у них рюкзаки и пыхтели еще сильнее. Все сбросили свитера. Солнце начинало прогревать влажный лес, из него испарялась ночь. Мы прошли то место, где Лиза оставила меня. Я снова ощутил тревогу. Понимал, что в любую минуту она может развернуться и уйти. Но было уже слишком поздно: мы забрались слишком далеко и вышли на полонину – горное пастбище. Большая поляна была окружена дикими черешнями. Ягоды были красными, мелкими.

Мы задержались у одного из деревьев. Я наклонил ветви, и мы почти одновременно поймали губами несколько ягод... *(Я уже любил ее! Боялся лишний раз взглянуть на нее – от этого у меня резало в глазах, как от вспышки лампы, а изнутри пожирал огонь бешен-*

ного желания, я покрывался потом, краснел, тряся, как осиновый лист. И ненавижу себя за несдержанность).

– А пошли они все к черту! – вдруг сказала Лиза, глядя на группу, которая уже пересекала полонину. – Идем строем, как пионеры. А вокруг такая красота...

Ничего лучше нельзя было и представить.

– Давай спрячемся, пока они не уйдут подальше! – предложил я.

Она задумалась.

– Наверное, испортим им весь праздник. Искать будут...

– Тогда предлагаю просто заблудиться. Случайно. Бывает же такое?

– Ага. А утром в местной газете появится заметка «Случай в горах»... Кстати, ты же только что поступил в институт. Могут отчислить! Это мне терять нечего. Фильмы мне уже смывали...

– Как это? – не понял я.

– Очень просто: берут пленку и опускают в химический раствор...

– И «Безумие» смыли?

– А как же! – недобро улыбнулась она. – Разве могло быть иначе... Как принудительный аборт на восьмом месяце.

Она вытащила из пачки сигарету, медленно выпустила струйку дыма и посмотрела на меня прищурившись:

– А ты красивый. Тебе кто-нибудь говорил об этом?

Прежде чем ответить, я справился со шквалом разных эмоций, а главное, с глухотой, которая на мгновение охватила меня (сердце стучало прямо в голове!).

– Не помню... – ответил я как можно равнодушнее.

– Ладно, пойдем! – скомандовала она. – А то и правда потеряемся.

Но мы все-таки потерялись! Пройдя полонину, не могли сообразить, в какую сторону направилась группа. Сердце мое ликовало. Чтобы скрыть радость, пришлось немного побегать и покричать, но мне никто не ответил.

– Теперь это выглядит естественно? – спросил я.

– Вполне. Может, вернемся?

– Зачем?! Я думаю, к вечеру мы их догоним. Найдем по дыму костра.

Потом мы шли, то поднимаясь в гору, то спускаясь в долину, останавливались, молчали, зачарованные природой, падали в высокую траву и пили воду из горного ручейка. Вечер упал быстро, словно камень. Мы как раз подходили к очередному пригорку. Пришлось снова побегать и покричать, разыскивая палаточный лагерь. Я мысленно молился, чтобы никто не откликнулся. Так оно и случилось.

– Что ж, – сказала Лиза, – придется развести огонь и переждать тут до утра. Может быть, они найдут нас на обратном пути.

– Тебе страшно? – завокнулся я.

– Мне? – Она рассмеялась. – Все самое страшное со мной уже произошло. А теперь будет только... прекрасное. Разве здесь не здорово?!

Синие сумерки, выплывающие из леса, накрыли нас густой волной по самое горло. А потом незнакомые ночные запахи и таинственные звуки, которые утром не были слышны, окутали нас с головой.

Я собрал сухие ветки и порадовался, что захватил спички. Роясь в рюкзаке, обнаружил бутылку вина, о которой совершенно забыл.

– Мы спасены! – объявил я, как только костер разгорелся, а мне удалось протолкнуть пробку внутрь бутылки. Мы нагребли целую гору сухой травы и уселись на нее перед костром.

– Только я не взял стаканы... – сказал я.

– Значит, придется узнать о твоих мыслях, – улыбнулась она. – Если люди пьют из одной посуды, они могут прочитать мысли друг друга.

Хорошо, что было темно и отблески костра не давали полного представления о цвете моего лица в тот момент.

Лиза сделала глоток, и ее губы почернели – это было местное ежевичное вино, которого я не видел в продаже ни в сельпо, ни в городских магазинах.

– Какое вкусное! Настоящее, – сказала она, – я такого еще никогда не пила.

Я готов был завилать хвостиком и встать на задние лапки.

– Знаешь, мне всегда хотелось попробовать именно такое вино, – продолжала Лиза, глядя в огонь, – но мне казалось, что такие вина – в черных граненых бутылках – сохранились только в каютах затонувших пиратских кораблей... Просто чудо! – Она сделала еще один глоток и протянула бутылку мне. – Ладно, угадывай!

Я выпил и начал «угадывать»:

– Ты приехала сюда, потому что... не можешь поехать в Испанию!

– Именно – в Испанию! – весело подтвердила она и снова воскликнула: – Волшебное вино! Давай дальше!

Я сделал еще один глоток.

– Тебе ужасно хочется съесть огромную отбивную с кровью, зажаренную на углях!

– С луком и крупной солью!!!

Я отхлебнул еще:

– Ты – ведьма! Ты здесь – у себя дома!

Она громко засмеялась, и лес отозвался похожим звуком. Взяла у меня бутылку:

– Хватит! Теперь моя очередь!

Глоток:

– Ты в меня влюбился.

Глоток:

– Тебе страшно...

Глоток:

– Ты весь дрожишь, потому что...

Я отобрал у нее бутылку и неожиданно забросил в кусты. Лиза снова расхохоталась. Проклятое вино! Где я его купил? У какой-то деревенской тетки, у магазина...

– Хватит, – сказала Лиза, – давай попробуем заснуть, пока костер не догорел.

Она вытащила из своей котомки свитер, натянула его и легла на кучу сена, свернувшись калачиком. Я взял свою куртку, укрыл ее ноги и примостился рядом, так, чтобы не дай бог не прикоснуться к ней. Но разве я смог заснуть?! Я наблюдал за ней сквозь ресницы и спустя какое-то время с удивлением обнаружил, что она в самом деле заснула. Будто в теплой постели у себя дома. Огонь в костре еще немного потрещал остатками хвороста, который тлел в нем, и окончательно умер. Я утонул в темноте и начал прислушиваться к звукам: а вдруг на нас выйдет медведь или волк? Я должен быть начеку! А еще... мне было ужасно обидно лежать рядом с этой удивительной девушкой, которая так быстро и просто уснула... Она совсем не принимала меня всерьез. Наверное, я весь день вел себя как дурак. Но я думал еще и о другом: я все равно не посмел бы к ней прикоснуться! По крайней мере, сейчас...

## 5

К утру мы уже лежали, тесно прижавшись друг к другу. Это вышло случайно. Холод разбудил меня, и я увидел, что ее руки, трогательно сжатые в кулачки, прижались к моей груди. Я замер, притворился, что сплю. А потом и в самом деле снова уснул (чего позже не мог себе простить!). Проснулся от какого-то движения рядом с собой. Лиза сидела ко мне спиной и рас-

чесывала волосы, потом медленно начала заплетать их в косу. И у меня сжалось сердце: казалось, мы жили посреди этого леса целую вечность! Мы давно уже были вместе, и этот утренний ритуал плетения косы я наблюдал всегда. Оставалось только непринужденным привычным движением привлечь ее к себе... Почему жизнь – не кино, которое можно смонтировать по своему усмотрению?! Ведь так будет, скажем, через год, думал я, зачем же терять драгоценное время?! Что бы сделал на моем месте Мишка, мой старый приятель? Он бы сейчас просто схватил ее за плечи, прижал к себе и произнес что-то типа: «Замерзла, крошка?» Ужас! И... получил бы оплеуху. Или – не получил, если бы это была не она, не Елизавета Тенецкая.

Мне же оставалось только наблюдать, как ее проворные пальцы скользят между прядями волос. Потом она обернулась.

– Проснулся? Замерз?

– Немного. А ты?

– Ну ты же меня так хорошо согрел всю ночь! – улыбнулась она. – Давай-ка сбегай за той бутылкой. Согреемся. Не бойся, утром чары рассеиваются!

Мне пришлось полезть в кусты и отыскать колдовской напиток. Лиза достала из своей котомки печенье, и мы заморили червячка.

Когда мы уже полностью собрались и привели себя в порядок, в последний раз взглянули на наше ночное пристанище.

– Никогда этого не забуду, – сказал я.

– Забудешь... – возразила Лиза и добавила: – А вообще-то было здорово. Но сейчас уж точно нужно как-то выбираться отсюда. И поскорее. Нас уже наверняка ищут.

Но «поскорее» все же не получилось. Мы шли еще полдня. На этот раз она действительно устала, и я взял ее за руку. Мы снова спускались и поднимались по высоким склонам. Но лес кружил нас, как карусель.

Часам к пяти небо заволочло темными грозowymi облаками, воздух напитался влагой, как тряпка, которую вот-вот должны отжать, земля под ногами стала вязкой.

– Сейчас начнется ливень, – сказала Лиза, – нужно спуститься в долину.

Мы ускорили шаг. Спуск был крутым, но сквозь густые заросли мы к своей радости увидели какой-то хутор и быстро зашагали к нему. Во дворе сутился хозяин – мрачного вида мужик в закатанных до колен холщовых штанах. Он быстро сгребал сено и накрывал скирды брезентом. Ему, конечно, было не до нас. Черное небо уже приблизилось к самой земле, и из него охапками серебряных змеек вырывались молнии.

– Пустите нас переждать грозу? – спросил я.

– Эта гроза – на всю ночь, – буркнул мужик, – а у меня в хате одна кровать...

– Тогда пустите хоть на чердак! – я кивнул в сторону деревянной постройки – то ли хлева, то ли курятника.

– Там внизу куры...

– А наверху? – с надеждой спросила Лиза.

– Наверху – сено... Еще подожжете...

Небо уже прогнулось и висело низко, словно целлофановый пакет, наполненный водой. Хватило бы самой малой прорехи, чтобы на наши головы обрушился водопад. Лиза дрожала, она, наверное, простудилась. Я вытащил из карманов все деньги, которые у меня были, снял часы с руки и золотую цепочку – мамин подарок – с шеи. Все это сунул хозяину. Он недоверчиво взглянул на меня, взвешивая на ладони эти сокровища. Тогда я сбросил с себя куртку – она была совсем новой. Мужик сунул ее себе под мышку, махнул рукой в сторону сарая и, бросив грабли, побежал к хате.

– Захотите молока или хлеба – зайдите утром! – крикнул нам уже из окна.

Едва мы переступили порог нашего убежища, как у нас за спиной разразился вселенский потоп. Куры уже спали и недовольно закудахтали во сне, теснее прижимаясь друг к другу. Они были похожи на белые привидения.

Я помог Лизе забраться на чердак. Он был почти доверху завален душистым сеном. Мы провалились в него, как в облако. Слышали, как по крыше барабанят тяжелые, словно булыжники, капли дождя. Лиза лежала на спине, дыхание ее было тяжелым. Я осторожно прикоснулся к ее ладони. Она была холодной. Лиза не отдернула ее... Я осмелел и поднес ладонь к губам...

Потом меня просто захлестнула волна нежности – удивительной, незнакомой мне нежности, смешанной с отчаянием.

– Ты не исчезнешь? – спросил я.

Она повернулась на бок, и мы какое-то мгновение смотрели друг на друга, ее глаза плавали передо мной, как две влажные синие рыбины. Я привлек ее к себе. Но она отстранилась:

– Послушай-ка, я бы не хотела морочить тебе голову... Вряд ли все это можно будет считать случайностью. Уж я-то в этом кое-что понимаю...

– Конечно, это не случайность. Это не может быть случайностью... – Я задыхался, целуя ее руку все выше и выше. – Я мечтал о тебе с первого же дня!

– Подожди! – Она резко поднялась и села напротив меня по-турецки. – Мне все это совершенно ни к чему. Понимаешь? Да и тебе тоже. Тебе сколько – восемнадцать? Значит, я на десяток лет старше!

– Какое это имеет значение? – не понимал я.

– Для сегодняшней ночи, конечно, никакого, – согласилась она. – Но тебе же, я уверена, этого будет мало. Я правильно понимаю?

– Да. Скорее всего, я однолюб...

– Вот видишь... Зачем же мне портить тебе жизнь? У тебя еще все впереди...

– С тобой!

– Нет. Во-первых, у меня – ребенок...

– Замечательно!

– Во-вторых – своя жизнь, к которой я привыкла и которую никоим образом не собираюсь менять. Этот миг пройдет, а потом ты будешь преследовать меня, чего-то требовать... А я от этого так устала. Мне это не нужно. Понимаешь?

Но я уже ничего не понимал...

Потом обрывочными вспышками, как и в первый вечер, я видел только ее легкий, прозрачный контур, который парил надо мной. Все смешалось. Дождь и ветер раскачивали сарай, как лодку, шуршало сено, и я обнимал ее вместе с охапками сухой душистой травы. Она и сама была травой – дурманящей, исцарапавшей меня с ног до головы. До крови, выступившей на спине и локтях...

Я сказал ей, что – однолюб. Но тогда я еще не знал, что это была правда.

## Елизавета Тенецкая

### 1

Она вернулась в город раньше положенного путевкой срока. Уставшая, простуженная и раздраженная. Ведь если не любишь ничего коллективного, зачем нужно было тащиться в тот поход? Кости еще ныли от путешествия на телеге, в которой хозяин того сарая довез ее и студента до турбазы. Как оказалось, забрели они довольно далеко – телега тряслась по лесу и горам часа два! На турбазе это приключение замяли. Слишком молчаливой оказалась и стран-

ная парочка: студент пребывал в состоянии непонятной эйфории, дамочка лишь отмахнулась от медсестры, подступающей к ней с термометром...

Хороша же она была в тот момент! И зачем вообще нужен такой отдых? Поддалась на уговоры подруги, и вот результат: та же скука. Только к ней добавился романтический инцидент. Нет, нужно что-то с собой делать!

С сентября она начнет работать на кафедре, что-то там преподавать, распинаться перед зелеными первокурсниками, зная, что каждое ее слово будет пронизано ложью. А этим мальчикам и девочкам при нынешнем положении вещей никогда не снять своего «Андрея Рублева». Тогда – о чем может идти речь? И еще ее беспокоила мысль, что, скорее всего, среди студентов, будет *этот*. Пошлее ситуации не придумаешь!

Лиза поднялась на третий этаж, достала из кармана ключ от общей двери. В длинном коридоре было темно и тихо, соседи еще не вернулись с работы. Лиза толкнула дверь своей комнаты – она ее не запирала, бросила чемодан у порога и подошла к кровати. Села. В комнате пахло пылью, как это всегда бывает, когда хозяев долго нет дома. Нужно было позвонить маме, чтобы она привезла Лику ближе к вечеру, а пока она уберет, сходит в магазин, купит молока и хлеба, приготовит что-нибудь вкусненькое...

Лето закончилось... Оно было коротким и промелькнуло почти незаметно. Лиза вспомнила, какие надежды на него возлагала. Целый год шли переговоры о включении ее в делегацию, которая ехала на конференцию в Мадрид. Ей пришлось собрать немислимое количество справок, включая медицинские, обойти сотни мерзопакостных кабинетов, где каждый клерк окидывал ее скептическим взглядом и, как правило, спрашивал: «А вы не собираетесь остаться за границей?»

Некоторые предлагали обсудить этот вопрос «за рюмкой кофе» где-нибудь в уютном валютном баре – особом месте, доступном лишь избранным. И вот, наконец, когда все вроде бы получилось, ее вызвал завкафедрой и, блуждая взглядом по обоям собственного кабинета, объяснил, что там, «наверху», вдруг выяснилось, что у нее ребенок от неблагонадежного лица, отбывающего срок за антигосударственные высказывания.

– Деточка, – сказал он, – вам следовало бы сразу сообщить об этом. А так получилось, что вы намеренно скрыли этот факт. Теперь уж ничего не поделаешь. Вот если бы ребенка не было... Вы же не регистрировали свой брак?

Это была правда. Когда дома узнали, что Лиза общается с сомнительными личностями и ее уже вызывали для беседы «в органы», мама сказала: «Добегалась!» А когда выяснилось, что дочь еще и беременна, добавила сурово: «Догулялась...» Что-то объяснять не было смысла. Для этого нужно было слишком много слов и усилий, а она предпочитала молчание.

После выпускных экзаменов в институте ее любимая преподавательница, заметив кругленький животик, сказала, когда они остались наедине:

– Тебе будет трудно. Но даже не из-за ребенка. То, что ты решила его оставить, – хорошо. Запомни: ты очень талантлива. И должна выстоять – переждать, перетерпеть. Оставайся пока что в аспирантуре, а там будет видно. Времена меняются. Занимайся ребенком, устраивай быт – это тоже очень важно. И – жди. Возможно, уже не долго осталось...

Сейчас маленькой Лике два года. Времени прошло не так уж много. А терпение лопнуло. Это стало абсолютно ясно после отказа в поездке. Не говоря уже об уничтожении «Безумия» и еще нескольких работ, которые видели только однокурсники. И она, прежде всего, занималась Ликой.

Она всегда знала, что у нее будет девочка именно с таким именем!

Когда-то очень давно Лиза с бабушкой отдыхали в пансионате на берегу Азовского моря. Ей было тогда, кажется, одиннадцать, а вокруг – ни одной ровесницы. Тогда она познакомилась на пляже с четырехлетней девчушкой. Вернее, малышка сама подошла к ней. Вначале Лиза недовольно отмахивалась от ее настойчивых вопросов, а потом ей стало интересно. А со

временем и вовсе произошло чудо: эта кроха оказалась умницей и к тому же большой фантазеркой. Девочку звали Лика.

– Анжелика? – добивалась Лиза. – Ангелина?

– Нет, Лика! – настаивала малышка.

О чем они говорили, вспомнить трудно, но у Лизы осталось впечатление, будто она повстречала маленького ангела, умеющего говорить просто о сложном. Лиза, забавляясь, задавала ей самые каверзные вопросы, о которых задумывалась сама, – «Есть ли Бог?», «Как на земле появился первый человек?» и даже об устройстве Вселенной, – и девочка выдавала такие «шедевры», что их стоило бы записывать. Не записала. А теперь забыла окончательно. Осталось имя – Лика.

Лика – девочка, дитя такой краткой и жгучей любви, ее надежный якорь, удерживающий у берега. Она появилась на свет под мелодию Моцарта, лившуюся из больничного репродуктора – так же легко, как и эта мелодия несколько столетий назад. И Лизе казалось, что на ней не застиранная больничная сорочка с огромной прорехой на животе, а венецианские кружева. Несколько дней, проведенных в роддоме, были самыми счастливыми в ее жизни. Ощущению счастья не мешало ничто – ни тараканы, снующие по стенам, ни лопнувший в глазу сосуд, ни болтовня трех соседок по палате, которые без устали ругали собственных мужей. Она хотела, чтобы ее девочка была похожа на Лику из детства. Когда медсестра внесла младенцев – по двое на каждой руке – Лиза сразу же узнала своего: из-под казенного чепчика выбивались каштановые кудряшки...

– Ух, какая ядреная девка получилась! – сказала медсестра. – И спокойная какая! Видно, будет профессоршей...

Теперь вся ее жизнь посвящена Лике и... ожиданию. И в ней нет места никому другому! Тем более – какому-то студенту!

В последнее время она стала замечать, что ее совершенно не интересует все внешнее. Она, словно губка, вбирала в себя все соки окружающего мира, и этот мир – в лучшей, модифицированной форме – совершенный и справедливый, существовал внутри нее. Все, что происходило извне, включая немногочисленные романы, Лиза воспринимала, как каплю йода в стакане с чистой водой. Мир, который она выстраивала внутри («Будь терпелива! Времена меняются...»), не был воздушным. Он ждал своего часа...

## 2

...Проблемы начались с первого же дня занятий. Она вошла в аудиторию и сразу же наткнулась на глаза. Его глаза. Студент сидел в первом ряду и не сводил с нее внимательного взгляда. Это было невыносимо. Тем более что ей впервые пришлось предстать перед студентами в новом качестве – куратора курса. Вначале ей показалось, что эти глаза смотрят довольно нагло и двусмысленно. Но с каждой минутой это впечатление улетучивалось. Как человек, умеющий различать малейшие оттенки чувств, Лиза ощутила, что в них нет агрессии или вульгарного намека на августовское приключение. Взгляд студента словно обволакивал защитной аурой, оберегал ее. И она успокоилась.

В конце пары, на которой она дала первокурсникам расписание, пояснила правила внутреннего распорядка, он подошел к ней в числе других – в основном девчонок – и, выждав, пока затихнет их восторженный щебет и они разойдутся, сказал:

– Я бы хотел пригласить вас... тебя... к себе в гости. Это возможно?

Она строго нахмурила брови:

– Нет. Надеюсь, вам это понятно? Или будут проблемы?

Он почти что покрылся изморозью, как от дыхания ледяного океана, на лбу выступили бисеринки пота.

– И прошу вас, – добавила Лиза, – называйте меня, как все – по имени-отчеству. Иначе... Иначе мне придется завтра же уволиться. Договорились?

Он кивнул.

– Хорошо. Я буду ждать. Сколько будет нужно...

– Напрасно! – Она захлопнула журнал и быстро пошла к двери, на пороге оглянулась. – Не бери дурного в голову, мальчик! У тебя все еще впереди.

Вот, в общем-то, и все. Лиза посидела на кафедре до двух, потом отправилась домой.

Шла по городу, словно в тумане, с трудом продираясь сквозь ватную пелену, наплывающую на нее большими мутными клубами. Можно было зайти в Дом кино, выпить кофе, встретиться со знакомыми, засесть в их обществе до семи (в семь мама приводила домой Лику), но тогда голова будет забита несметным количеством чужих забот и проблем, вечер будет испорчен. Но что делать до семи?

Лиза почувствовала себя одинокой лодкой, бессмысленно бьющейся о чужой берег. Жажда жизни шевелилась в ней, как... как камни в почках. Если бы их можно было растворить, перемолоть в себе. Тогда бы все ее существо наполнилось веселыми воздушными шариками, и она бы взлетела вместе с ними туда, где... «Где – что?» – подумала Лиза. Где царит радость, искренняя радость от того, что живешь, наслаждаешься воздухом, вином, запахом леса... «Так и будет!» – сказала себе Лиза. Но не сейчас, не теперь. Таинственный лес – свежий и веселый, с прозрачными родниками и мелкими дикими черешенками – еще примет ее в свои объятия. Нужно только подождать. Она вдруг задохнулась от воспоминания о запахе сена там, на чердаке, в сарае-курытнике. Мальчик-студент обещал ждать. Ждать – чего? Какая разница! Она ведь ждет. Пусть и он подождет.

Лиза решила зайти в кафе – свое любимое, расположенное на первом этаже городской бани. Кофе здесь готовили не растворимый, а настоящий – по-восточному, на горячем песке в керамических турках, и тут всегда было мало народу. Только те, кто знал о существовании этой необычной забегаловки для любителей попариться.

Лиза осторожно взяла чашечку с кофе, поддерживая ладонью под дно – здесь специально отбивали ручки от чашек (чтобы не унесли!) – и села за самый дальний столик. Кафе было почти пустым. Время было неопределенное: для вечерних посиделок – слишком рано, для утреннего ритуала – слишком поздно. Лиза с удовольствием сделала первый глоток и непроизвольно оглянулась на дверь – здесь несколько лет назад собиралась ее «сомнительная» компания. Теперь неизвестно, кто где... Стоп! Лиза напрягла зрение, стараясь в полумраке разглядеть силуэт входящей в этот момент женщины.

Она не ошиблась. Это действительно была главная героиня ее уничтоженного фильма, талантливая актриса, которая после многих триумфов канула в безвестность. До Лизы доходили слухи о ее бурном романе с известным режиссером, о его трагической гибели, в которой обвинили ее и даже продержали три года в колонии строгого режима, и о том, что она начала довольно серьезно выпивать.

Три года дали о себе знать, наложили отпечаток на внешность, походку и манеру поведения, но жест, которым женщина поправила прическу, остался тем же – элегантным, будто не было в ее жизни ни синей казарменной униформы, ни кирзовых сапог.

Актриса (Лиза называла ее уважительно – Анастасией Юрьевной) оглядела небольшой зал и безошибочно направилась к ее столику. Лиза поднялась, они молча обнялись, постояли так с минуту к удивлению других посетителей, пока щемящий миг встречи не сменился неловой паузой. Сели за столик.

– Ты совсем не изменилась, дорогуша! – воскликнула актриса. – Что двадцать пять, что двадцать восемь – разницы не чувствуется. В эти годы женщина может и не меняться, может даже помолодеть. А в мои годы... Но – ради бога! – без комплиментов! Мне сейчас все делают комплименты, будто я не из тюрьмы, а из косметического салона вышла.

Она говорила, как обычно, много, почти не слушая собеседника. Лизу это поразило еще на съемках: другие были напряжены, повторяли роль, вживались в образ или сосредоточенно молчали, а эта вела себя так, словно выплеснула из себя все лишнее. Лиза с детства знала ее по фильмам и театральным ролям – играла она в основном принцесс в детских сказках, нежных «тургеневских» девушек и «арбузовских» максималисток. Милая курносость, аккуратное кругленькое личико, брови-стрелочки и – грация в каждом движении... Когда Лиза поступила в театральный, афиши с портретами этой звезды были расклеены по всему городу. В студенческие времена Лиза подрабатывала в театре костюмером. Иногда, в выходные, когда актрис не было, она надевала их платья и вертелась перед зеркалом. В один из таких моментов вошла она, примадонна. Правда, тогда она уже не была нежным ангелом и, как поговаривали, тихо спивалась после смерти трехлетнего сына, оставаясь при этом личностью трагедийно-романтической, объектом сплетен и ухаживаний. Она вошла неслышно и остановилась перед Лизой:

– Какое золото тускнеет в костюмерных! Надо же... – сказала она, бесцеремонно пожирая Лизу своими большими глазами. – Ты именно такая, какой я всегда мечтала быть – «в угль все обращающая»!

– А вы – такая, какой мечтаю быть я! – отважилась Лиза на ответный комплимент.

– Ты меня знаешь?

– В кино видела, и на сцене... – Лиза вдруг растерялась: женщина, стоящая перед ней, была необычайно красива, недосыгаема. Она слышала, что некоторые называют ее «гениальной стервой»...

А потом было «Безумие». То, что играть будет именно Анастасия, Лиза знала наперед. Эта роль стала лучшей работой Анастасии в кино. Лучшей и... последней.

– Ты пьешь или – праведница? – прервала ее воспоминания актриса. – Может, угостишь?

Лиза подошла к стойке и заказала коньяк. На лице актрисы проступил румянец. Она выпила залпом. Лизе стало грустно.

– Ты сейчас над чем-то работаешь? – спросила ее Анастасия.

– Нет. Я осталась на кафедре. Преподаю.

– Ну и молодец, – почему-то обрадовалась собеседница, – целее будешь... Таким, как ты, лучше сидеть тихо, как мышь... – Актриса неуверенным движением поднесла палец к губам, и Лиза с ужасом поняла, что ей хватило бы и наперстка, чтобы опьянеть. – Съедят тебя, ох, съедят. Не завистники, так мужики. Но, знаешь, что я тебе скажу, – не давай себя сломать. Гнуться – можешь, а вот так, чтобы надвое, да еще и с треском – нет! Не те времена для таких, как мы, не те... Я вот – родилась Настасьей Филипповной, а что вижу: мелочевку, дрязги, потные ладошки... Ты когда-нибудь сними что-то по Достоевскому, а? Не сейчас, а когда-нибудь потом... Я у тебя хоть стол кухонный готова сыграть. Обещаешь?

– Конечно, Анастасия Юрьевна. Только когда это будет...

– Ну вот когда будет, тогда и позовешь... – тон ее вдруг стал агрессивным, – а не будет – туда тебе и дорога! Значит, родилась ты костюмершей – костюмершей и умрешь! Давай еще выпьем, если денег не жалко...

Лиза снова заказала коньяк.

– Теперь уходи! – сказала актриса, склонившись над рюмкой.

– Простите...

– За что? – вскинула на нее глаза Анастасия. – Я, может, у тебя только и сыграла настоящего. За это и сдохнуть не жалко. Но я не сдохну. Ну все, иди, иди... Я злая становлюсь, когда выпью...

Лиза поднялась. На пороге оглянулась. Актриса сидела, низко склонив голову, скрестив еще стройные ноги в грубых чулках. По одному из них побежала «стрелка». И эта «стрелка» как будто разрезала надвое сердце Лизы.

### 3

Мама привела Лиду немного раньше. Девочка сидела на ковре и рисовала что-то на листке бумаги, приговаривая при этом что-то вроде «пля-пля». Лиза знала, что в переводе это означает – «писать». Лиза тихонько остановилась на пороге. Она смотрела на круглую пушистую головку с мягкими, как у птички, волосиками. Они топорщились во все стороны, обнажая тонкую шейку с темной ложбинкой посередине. Голова девочки наклонилась, и из-за пухлой щечки почти не был виден курносый носик. Длинные, как у куклы, ресницы были прелестны. Девочка сосредоточенно водила карандашом по бумаге и изредка вздыхала от напряжения. Лиза окликнула ее. Девочка мгновенно обернулась, и лицо ее расплылось в безмятежной улыбке. Лиза не могла для себя решить – хороша ли дочь? Черты лица слишком мелкие: крохотный нос, четко очерченный маленький ротик, зеленовато-голубые глаза... Высокий лоб, обрамленный рыжеватыми кудряшками, делал это лицо непропорционально большим.

С минуту они разглядывали друг друга. Наконец Лиза наморщила лоб и пояснила: «Пля-пля!» Она «писала».

Лиза понимающе кивнула и прикрыла двери...

## Денис

### 1

Я не мог дождаться начала занятий. Вдруг все стало казаться мелким и второстепенным – и поступление в институт, и мечты о славе...

Она так неожиданно уехала, раньше положенного срока, практически сбежала. Когда я узнал об этом, на меня навалилась пустота. Было такое ощущение, что я лишился какого-то важного органа. Я казался себе бабочкой-капустницей с оторванным крылом: трепыхался, пытаюсь взлететь, но только смешно и тщетно барахтался в пыли. Неужели так будет всегда, в отчаянии думал я. Лес больше не привлекал меня. Я стал неинтересен своим приятелям и старался держаться от них подальше. Еле дождался конца срока и первым утренним автобусом отправился в райцентр, чтобы поскорее сесть в поезд.

Надеялся, что она позвонит мне (я оставил ей номер своего телефона, так как своего она не дала), и всю неделю до начала занятий тупо просидел дома. По ночам я смотрел на луну – такую круглую и ровную, как поверхность зеркала. Наблюдал, как она поднимается над верхушками деревьев и крышами домов, плывет по небу и медленно растворяется в серой пелене утра. Сколько таких лун пройдет по небу, пока мои надежды оправдаются? Ответа не было. Искать Лизу в институте я боялся.

...Когда она вошла в аудиторию и мельком равнодушно взглянула на меня, я понял, что больше ничего не будет. И когда она сказала, чтобы я не «брал дурного в голову», решил ждать. Ждать, сколько понадобится. Я знал, что это будет нелегко. Но интуитивно понимал: торопиться нельзя.

Сначала мне даже нравилось культивировать в себе страдания «юного Вертера». В конце концов, я был романтичным, увлекался Блоком и ничего не имел против того, чтобы в моей жизни появилась Прекрасная Дама. И не мифический собирательный образ, а вот такая – реальная и достижимая. На несколько недель мне хватило возбуждающих воспоминаний о ее достижимости. Я только то и делал, что восстанавливал в памяти каждую минуту той ночи и ловил себя на мысли, что делаю это как... киномонтажер, а не как любовник. Мне важно было

восстановить пленку, но не ощущения. Вот когда я восстановлю ее с точностью до секунды и надежно зафиксирую в своем воображении – тогда, рассуждал я, предамся чувственному восприятию. Очевидно, уже тогда во мне проснулся тот, кто, по словам Блока, «отнимает запах у цветка»... Я даже злился на себя, когда, восстанавливая очередной обрывок (вот молния прорезает небо и в ее вспышке возникает бронзовый изгиб бедра!), покрывался испариной и упускал нить воспоминаний. Приходилось прокручивать все заново.

Я просыпался совершенно разбитым, нехотя завтракал и брел в институт без всякого энтузиазма.

– Ты ведь так мечтал об этом институте! Чего тебе не хватает? – не выдержала однажды мама. – Вспомни, скольких усилий стоило тебе поступление! К тому же, если ты будешь нормально учиться, у отца будет больше оснований договориться насчет освобождения от службы в армии.

Услышав последнюю реплику, отец недовольно фыркнул, мать переключилась на него:

– Да, да! И не нужно фыркать – у нас единственный сын! Вспомни, что случилось с Верочкиным мальчиком! Дениска пойдет в армию только через мой труп!

Они принялись спорить, и я выскользнул из квартиры...

## 2

Пленку с воспоминаниями я так и не восстановил. Мешали запахи, звуки, сладкие минуты беспамятства, когда я вообще ничего не соображал. И, соответственно, не мог ничего нарисовать в своем воображении. Я оставил это бесполезное и выматывающее занятие. Вернулся в реальность, в которой она сидела за столом в столовой, выходила из института, шла по городу, заходила в магазины и кафе. Я начал следить за ней. Шел на большом расстоянии, чтобы – не дай бог! – она меня не заметила. Я изучил распорядок ее дня, видел, как по субботам она гуляет с дочкой – рыжим лягушонком, знал, что ее любимое кафе – в помещении городской бани. Однажды, когда она вышла оттуда, я, оставив слежку, зашел туда и попытался угадать, за каким столиком она сидела. И угадал безошибочно – по марке недокурной сигареты, которую... сунул в карман.

Следующей стадией моего безумия стал цинизм. То есть я попытался выработать его в себе, как змея вырабатывает яд. Это был своего рода психологический тренинг. Думаю, меня поздравил бы сам Фрейд. Я снова прокручивал в памяти эпизоды своего августовского приключения, но на этот раз в совершенно другом ракурсе. Это было совсем не просто. Ну что, собственно, произошло? – размышлял я. Обычный курортный роман, нет – романчик, хуже – банальная интрижка, еще точнее – единоразовое спаривание, секс... Каприз скучающей дамы, одна проигрышная партия в пинг-понг. Когда дело доходило до разных скользких словечек, которыми называют все, что произошло между нами на чердаке, – я грыз зубами подушку. Чтобы окончательно все разрушить, нужно было бы сделать следующий шаг: поведать о приключении двум-трем друзьям-сокурсникам. При этом быть в стельку пьяным, перемежать речь матом, описывая во всех подробностях ее тело и то, как она дрожала в моих объятиях, и то, как просила встречаться тайно у нее на квартире... Может быть, этот кислотный дождь уничтожил бы мою хворь навсегда. Но так поступить я не мог – пришлось бы уничтожить и себя.

Как избавиться от навязчивой идеи и обрести равновесие, я не знал. Несколько раз я встречался со своими бывшими подружками. Но это повергло меня в еще больший шок: я ничего не чувствовал! То есть в физиологическом плане все было нормально, технику не утратил. Но я с ужасом открыл в себе какой-то новый вид импотенции: все происходило автоматически. Я был роботом, вырабатывающим гормоны, – не более того. После таких свиданий я пытался проникнуться к своей партнерше хотя бы нежностью, вспоминая ее руки, ноги, бедра

и розовые колени, но нежность не возникала. В голову лезло что-то совершенно лишнее: вспоминал пятно на обоях, жужжание мухи, рисунок на ковре.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.